

Под зэковским номером 179888

В этом году исполняется 105 лет со дня рождения писателя Михаила Зуева-Ордынца, невинно пострадавшего в годы сталинизма

Впервые о Михаиле Зуеве-Ордынце я услышал, как ни странно, в Ростове-на-Дону в 1979 году. Помню, пришел в гости к донскому писателю Петронию Гаю Аматуни, чтобы поздравить его с выходом книги «Путешествие в Аэроград».

Он жил тогда в переулке Журавлева в многоэтажном доме в довольно большой квартире. После традиционного бокала шампанского вышли на балкон покурить. Как обычно, завели речь о тяжелой писательской работе, о том, как нелегко даются строчки, каждая книга. Аматуни был по профессии летчиком, но подвело здоровье. И тогда он взялся за перо, решил писать книги для детей, юношества. С кого из писателей взять пример?

- В детстве и юности я читал много книг приключенческого жанра, - говорил мне Петроний Гай. - Но самое большое впечатление на меня произвел роман писателя Зуева-Ордынца «Злая земля» - о русских первопроходцах Аляски, их дружбе с индейцами. Прочитал его, как говорится, на одном дыхании. И подумал: вот так надо писать для молодых - прямо-таки захватывает! Жаль, что Михаилу Ефимовичу на долгие годы запретили писать, в 1937

Михаил Зуев-Ордынец - фото из архива автора

нец в 1959 году, то есть спустя тридцать лет, возвраща-

(Сталина), а тут, видите ли, находятся... Я тебя в поро-

тивно сокращен. Но путь в Москву писателю не откры-

ством прекращено. 31 октября 1956 года постановлением секретариата Союза писателей СССР реабилитированному писателю М. Е. Зуеву-Ордынцу выдано пособие в размере трех тысяч рублей...

По поводу реабилитации он горько написал в своем дневнике: «Недорого ценит наша власть наши страдания. Как говорится - дешево отделяется» (запись 1956 года).

Михаил Ефимович снова побывал в Ленинграде, Москве, по путевке Литфонда отдыхал в Доме творчества писателей в Переделкино, где встретился с писателем **Корнеем Ивановичем Чуковским**. Его покорила замечательная библиотека детской литературы, собранная Корнеем Ивановичем на собственные средства. И, конечно же, дружеская встреча с Чуковским, которая длилась без малого два часа. В госархиве Карагандинской области до сих пор хранится дневник Зуева-Ордынца за 1955-1967 годы (фонд 1954, опись 1, дело 74), в котором подробно рассказывается об этой встрече. Там же - очерк писателя «Теремок дедушки Корнея», впервые опубликованный в газете «Индустриальная Караганда» 20 сентября 1963 года, а позже - в журнале «Уральский следопыт» (№ 9 за - 1964 год).

После освобождения из Карлага Зуев-Ордынец одиннадцать лет прожил в Актасе. Там он написал новую повесть «Вторая весна», за которую был удостоен медали «За освоение целинных и залежных земель». Родилась эта книга пос-

боту над книгой «Остров потопленных кораблей», которая была опубликована Казахским государственным издательством художественной литературы в 1963 году. Новая книга Зуева-Ордынца - это сборник его рассказов о современниках: геологах-кладоискателях, пограничниках, рабочих.

О литературном творчестве Зуева-Ордынца можно рассказывать бесконечно долго. Но, прежде всего, хотелось бы отметить, что он был чрезмерно взыскательным, строгим к себе, к каждой своей строчке. В дневнике он рассказывает, например, как долго работал над рассказом «Туман»:

«Прочитал - не понравилась, - делится он своими мыслями. - Длинно, много лишнего. А это ослабляет эмоциональное воздействие на читателя. А что лишнее? Вот тут-то и загвоздка! Начну сокращать, и буду помнить при этом слова Чехова, что в рассказе не должно быть ничего лишнего, как на корабле».

Эту запись он сделал 1 декабря. И только 17 декабря сообщил, что окончил второй вариант «Тумана». И тут же добавляет: «Все же, кажется, длинновато». 19 декабря писатель возвращается к своей работе. «Сегодня чуть-чуть ужал рассказ. А теперь пусть отлеживается».

Рассказ «Остров потопленных кораблей» Михаил Ефимович переделывал девять раз. Завидное трудолюбие и упорство! А сегодня некоторые молодые писатели, увы, едва только набросали свою вещь, уже спешат ее напечатать, с пеной у рта доказывая, как ге-

Интересны мысли Зуева-Ордынца о писательском труде, своих коллегах. 4 февраля 1956 года он пишет: «У китайского писателя вычитал замечательное выражение: «Трусливое перо». Не в бровь, а в глаз многим нашим современникам. Конечно, писакам...»

К **Михаилу Александровичу Шолохову** у Зуева-Ордынца отношение почтительное. Вот запись от 25 февраля 1956 года: «Речь Шолохова на съезде. Хорошая, честная, прямая речь... И пусть морщатся Радеевы и Сурковы. Мы, рядовые литераторы, не на стороне этих загенерализованных генералов, а на стороне Шолохова. И полностью с ним согласны».

Вообще, меня поразил дневник М. Е. Зуева-Ордынца, который хранится в государственном архиве области. Жаль, что он до сих пор нигде не опубликован.

В этом дневнике - самые сокровенные, правдивые мысли писателя, написанные кровью его сердца. В дневнике, кстати, я нашел несколько строк и о ростовском писателе Аматуни. В записи, сделанной 30 мая 1965 года, Зуев-Ордынец сообщал: «Петроний Аматуни прислал фотографии своих путешествий по Африке. Египет, Занзибар! А я? Несчастный я, как дырявый дряхлый корабль, на мертвом якоре».

В свое время **Михаил Михайлович Пришвин**, которого так любил цитировать Зуев-Ордынец, говорил: «Дневник писателя я понимаю как источник, вытекающий из самой души человека». Из самой души, искалеченной сталинизмом,

затем потрясла мысль: это вечно, также мягко будет светить луна и через десять, и через сто лет, и будет освещать этот же клочок земли, но тебя не будет. Совсем не будет...»

6 января 1956 года Зуев-Ордынец пишет: «Слушая наши радиопередачи, невольно станешь контрреволюционером — без конца, ежеминутно, в прозе, в стихах, в песнях, в пьесах и в операх твердят о счастливой, радостной жизни, которую мы якобы имеем. И начинает разбираться злоба и возмущение на эту наглую тупую жизнь. Совсем за дураков нас считают. Где она, эта радостная жизнь? Люди живут тяжело, плохо едят, тяжело работают, жилища в отвратительных условиях без примитивных удобств, окружены беспорядком, подчас диким произволом. Вот так живут! За исключением небольшой кучки. Для имеющих партбилет социализм, действительно, построен. Какой бы дурак, лодырь, неумеха он ни был, он останется «руководящим лицом»...

22 июня 1958 года сделана такая запись:

«По словам врача, Караганда стоит в республике на первом месте по числу наркоманов. В большинстве - молодежь. Неблагополучно что-то с нашей молодежью!»

23 июня:
«Смертельная слабость, апатия, равнодушие ко всему. Депрессия снова. Боже, как это тяжело!»

26 июня:
«Наша Карагандинская область держит первенство

году он был несправедливо осужден на целых 15 лет без права заниматься творчеством. Но он выжил, после лагерей Сталина в Сибири и Казахстане, тяжело больной, снова взялся за перо. Я разыскал его адрес в Караганде, и написал ему несколько сочувственных писем в таком духе: если бы не ваши книги, я бы не стал писателем... Он, конечно, был рад моим словам признания его таланта.

После этого я заинтересовался жизнью и литературным наследием М. Е. Зуева-Ордынца. Он родился в 1900 году в Москве. В возрасте 18 лет вступил добровольцем в Красную Армию, затем был направлен на учебу в Московскую артиллерийскую школу красных командиров, воевал против белогвардейцев до конца гражданской войны. Демобилизовавшись, работал в Ленинграде в различных газетах, одновременно пробовал свои силы в литературе. В 1925 году в журналах «Всемирный следопыт», «Вокруг света» и других появляются первые приключенческие рассказы Зуева-Ордынца. А в 1929 году был опубликован его роман «Злая земля», о котором мне так восхищенно говорил Аматауни.

Я прочитал эту книгу Михаила Ефимовича. Действительно, она написана увлекательно, хорошим сочным языком. В ней Зуев-Ордынец правдиво, опираясь на большой документальный материал, изображает борьбу индейцев за свободу и независимость Аляски от гнета Америки. На их стороне русский дворянин **Андрей Гагарин**, его близкие друзья, побратимы. Андрей в свое время бежал из Санкт-Петербурга от царских жандармов на земли русской Аляски. Но в 1867 году эта далекая окраина России была за бесценок продана США. Что делать? Возвращаться в Санкт-Петербург? Нет, Аляска не должна быть колонией Соединенных Штатов... И герой романа становится легендарным вождем индейцев.

В Караганде Зуев-Орды-

ется к этому роману, написанному в молодости, дорабатывает его, затем издает в Калининградском книжном издательстве под названием «Последний год» довольно приличным тиражом - 50 тысяч экземпляров. Один экземпляр этой интересной книги Михаил Ефимович, как я недавно узнал, подарил Карагандинской областной библиотеке имени Гоголя, ее читателям 19 мая 1962 года, не забыв поставить на ней свой автограф.

Словом, в двадцатых-тридцатых годах имя писателя Зуева-Ордынца было хорошо известно массовому читателю. Ведь, кроме романа «Злая земля», он написал увлекательно, интересно повести и рассказы «Сказание о граде Новом Китеже», «Гул пустыни», «Волчья падь». И все они были доброжелательно встречены литературными критиками, слава писателя росла, как говорится, не по дням, а по часам.

Удивительно, что такой благополучный во всех отношениях писатель был в 1937 году репрессирован. За что? В своей повести «Дело N 179888», кстати, написанной в Караганде в 1963-1964 годах, Зуев-Ордынец пояснил, что был арестован «по обвинению в контрреволюционной деятельности». В чем же она заключалась? Всего-навсего в том, что в своем дневнике в 1932 году он записал такую эпиграмму по поводу закрытия Российской ассоциации пролетарских писателей:

**«По мановению восточного сатрапа -
Не стало РАППа.
Но не ликуй, презренный раб,
Ведь жив сатрап!!!»**

Следовательно, прочитав это четверостишие, сказал со вздохом сожаления Зуеву-Ордынцу: «Душок, душок-то какой! Вы, безусловно, понимаете, кто назван в этих строчках «восточным сатрапом?» и цинично добавил: «Пи-са-те-ли! Советские люди молятся на него

шок сотру! Сам расстреляю!»

Сколько ни силился Зуев-Ордынец доказать, что это не он сочинил стихи «О РАППе и сатрапе», его все равно обвинили в антисталинизме, сделали «врагом народа».

Почти двадцать лет молодой жизни забрал у писателя сталинский режим. Он отбывал свой срок в различных лагерях Гулага, как я уже писал, без права сочинять за контрреволюционную агитацию. Особо твердую, жестокую зарубку получил он на сердце в Сибири в тайшетском лагере, где с экаками обращались хуже, чем со скотом, где они по ночам во сне громко и чет-

Зуев-Ордынец пишет: «Дожил, но со здоровьем дело очень плохо. Ухудшается с каждым днем. И нередко приходят мысли о смерти. Не могу сказать, что я очень боюсь ее, но иногда сердце замрет перед мыслью о двери, через которую никто не возвращался, переступив ее порог...»

ко выкрикивали свой номер и просыпались с каменной тоской на душе...

**«Тут ни убавить,
Ни прибавить -
Так это было на земле», -**

писал поэт **Александр Твардовский**. Действительно, в Тайшете Михаил Ефимович хлебнул немало горя народного, здесь от недоедания и холода он заболел туберкулезом, работая на лесозаготовках.

Недавно в архиве Информационного центра при прокуратуре Карагандинской области по моей просьбе нашли карточку политзаключенного Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД Зуева-Ордынца Михаила Ефимовича. Из нее явствует, что после Тайшетлага писатель 2 марта 1940 года был переведен в Карлаг. Отбывал он свой срок на отделениях Карабас, Чурубай-Нура, Батык, Долинка. Освобожден Михаил Ефимович был 21 июня 1950 года, ему на основании Указа от 14 июня 1944 года срок был милос-

ли, он жил в скверных условиях в поселке Актас под гласным надзором.

Тогда в Актасе держали многих бывших узников Гулага, их не прописывали даже в Караганде. Соседкой Зуева-Ордынца одно время была жена известного поэта, расстрелянного НКВД, **Павла Николаевича Васильева - Елена Александровна**. Она в Карлаге работала в отделениях Жаманжол, Ялта, Карабулак, Карашоки чабаном, строителем, учетчиком на овцеводческой ферме. В 1948 году ее объявили вольнонаемной, и она поселилась в Актасе, работала на шахте N 105 нормировщицей, а затем оператором в гараже. В 1950 году к

ле поездки писателя в Егидыбулакский район, в урочище Аркалык. Ездил на машине начальника строительного управления N 3 поселка Актас, известного строителя шахт **Георгия Павловича Кирчакова**. Михаила Ефимовича отговаривали от этой поездки, даже **Регина**, верная его жена, подруга, работавшая бухгалтером в СУ-3, умоляла не покидать Актас. Но Зуев-Ордынец остро чувствовал, что рождается новое время, люди раскрепощаются от сталинских догм и клеветы друг на друга. Дремавшая веками в горестном оцепенении казахская степь проснулась вместе с весенними трелями птиц и солнечными столбами яркого света.

Началось невиданное доселе наступление на бесплодие просторов Сарыарки. И хотя писатель задышался от приступов туберкулеза, хотя врачи не позволяли ему покидать домашний очаг, разве мог он задуть нетерпение своего сердца: увидеть целину? И вот больной, в старом поношенном пальто и шапке эзковских времен он бежит из своей квартиры в Актасе на вольный степной ветер в глухие места, где обосновались первоцелинники.

Это была его последняя писательская командировка, которую он сам устроил себе. И не зря! Повесть «Вторая весна» была издана в 1959 году в издательстве «Советский писатель», ее благожелательно встретили критики.

В 1969 году М. Зуев-Ордынец благодаря хлопотам своей жены Регины переехал в Караганду в дом N 31 по бульвару Мира. К сожалению, на этом доме до сих пор нет даже маленькой мемориальной доски, которая напоминала бы карагандинцам о талантливом писателе. А ведь такое предложение прозвучало на страницах «Индустриальной Караганды» еще 10 февраля 1995 года. Тем более что в этом доме Михаил Ефимович продолжал настойчиво и много работать. Здесь, например, он довершил ра-

нально она сделана. Почаще бы обращаться начинающим прозаикам да и поэтам к опыту писателей старшего поколения.

Велико эпистолярное наследие Зуева-Ордынца. Роясь в его архиве, я нашел письма знакомого нам Пет-

но не сломленной до конца, рождались и записи Михаила Ефимовича. В них много горького, пропитанного слезами человека, переживающего большую трагедию жизни, отлученного от любимых культурных центров России, собратьев по перу.

Одно из произведений отвергнутого автора

рония Аматауни, алмаатинца **Николая Анова, Корнея Чуковского, Сергея Маркова**. На книге «Небесные горы» Сергей Марков оставил такую надпись: «Дорогому Михайле Зуеву-Ордынцу со старой дружбой и любовью 23 января 1962 года».

Тепло вспоминает Зуев-Ордынец о встречах в карагандинском литературном объединении с писателями

Жаиком Бектуровым, Николаем Пичугиным, Николаем Пичугиным, говорит добрые слова о работниках библиотеки, которые организовали во Дворце культуры горняков встречу читателей с ним в апреле 1962 года.

3 июля:
«Газетная статья. Судебный процесс в Алма-Ате. Жуть! Трое парней, от 18 до 20 лет, хладнокровно, спокойно убили более десятка людей. С целью грабежа, за 5-10 рублей. Убийц расстреляют, но как мы озверели! И это наша молодежь, наша надежда!»

Записки в дневнике Зуева-Ордынца обрываются в 1967 году. Но они тоже полны огромной человеческой печали и горя. Так, 25 февраля 1967 года Михаил Ефимович пишет:

«Замучила меня депрессия. Едва выкарабкаешься из приступа, как снова провал в черную бездну безысходной тоски, отвращения к жизни, физического бессилия. Частенько начала посещать меня эта черная, мрачная гостья».

Последняя запись сделана 16 марта 1967 года. Она заканчивается фразой: **«Не изжита еще сталинщина...»**

Чтобы глубоко понять страдания писателя, брошенного в самую бездну сталинского ада, прожившего большую часть своей жизни под эзковским номером N 179888, надо помнить и чтить его, читать его дневники и книги. Из мрака забвения сегодня к нам возвращается тот, кто достоин большой памяти за свое стремление говорить правду, приносить людям большие моральные ценности, культуру бытия и творчества.

Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ, член-корреспондент Международной Академии Информатизации, писатель.

Ростов-на-Дону - Караганда